

АРТЕМ МОРОЗОВ*

КАК «ПОСТИСТИННЫЙ МИР» НАКОНЕЦ СТАЛ ГИПЕРВЕРИЕМ**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ СТИВА ФУЛЛЕРА

ФУЛЛЕР С. Постправда : знание как борьба за власть / под ред. А. Смирнова ; пер. с англ. Д. Кралечкина. — М. : ИД ВШЭ, 2021.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-287-297.

Постправда, или постистина¹, описывающая (как зачастую утверждается) смещение фокуса с истины и «объективных» фактов в сторону «субъективных» эмоций и убеждений в формировании публичного мнения — весьма причудливое понятие. С одной стороны, его выразительность и сила, с которой оно овладело общественным вниманием в 2010-е годы, не могут не поражать. С другой стороны, из-за своей нечеткости и размытости оно оказывается чрезвычайно слабым в теоретическом плане. Исправить это попытался философ и социальный эпистемолог Стив Фуллер в своей книге 2018 года «Постправда: Знание как борьба за власть». Для начала я расскажу о появлении самого термина, затем я опишу некоторые его концептуализации, разработанные другими авторами. После этого я перейду к работе Фуллера: изложу его понятие постправды, попутно сопоставляя с остальными, и помещу в более широкий теоретический контекст.

Впервые о постправде заговорил драматург Стив Тешич в 1992 году в статье «Правление лжи» для журнала *The Nation*. С помощью словосочетания «постистинный мир» (*post-truth world*) он попытался описать ситуацию, в которой оказался американский народ, ставший свидетелем весьма неуютных для него событий: войны во Вьетнаме

*Морозов Артем Владимирович, младший научный сотрудник; Институт философии РАН (Москва), morozov.socphil@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5449-1050.

**© Морозов, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Именно этот вариант используется переводчиком Дмитрием Кралечкиным в самом тексте «Постправды» Фуллера из-за ориентации автора на эпистемологию и социологию науки.

и Уотергейтского скандала. Все происходило так, как если бы правительство поставило народ перед выбором: либо правда, либо самолюбие. Американцы практически без колебаний выбрали щадящую пропаганду и цензуру в СМИ, республиканскую утопию, на деле граничащую с тоталитарной дистопией. Об этом свидетельствует, с точки зрения Тешича, характер медийного освещения и народной реакции на дело «Иран — контрабандисты» и Войну в Персидском заливе: «...будучи свободным народом, мы свободно решили, что желаем жить в своего рода постистинном мире» (Tesich, 1992: 13).

Годом ранее как раз вышли знаменитые заметки Жана Бодрийяра о Войне в заливе, которой «не было» собственно даже в качестве войны, то есть события с конкретными политическими целями. Симулятивная манера освещения и ведения данной не-войны, по Бодрийяру, утаивала ее «истину» как скандальной по своей сути попытки привести мир к единому знаменателю демократии, которая нейтрализовывала своих оппонентов прежде всего и главным образом символически, а отнюдь не в действительности. И потому это «первая консенсуальная война»: коль скоро война происходила в первую очередь на телеэкранах, зрители принимали активное участие в конфликте, попросту наблюдая за ним (Бодрийяр, Качалов, 2016: 78–94). Фраза Тешича поэтому идеально попадала в скептическую тональность постмодерна 1990-х, хотя сам Бодрийяр не спешил бы соглашаться — равно как и спорить — с тем, будто бы в своей теоретизации гиперреальности он представляет постмодерн или же постмодернизм (Павлов, 2019: 91; Gane, 1993: 22).

Настоящей славы «постправда» как термин, впрочем, ждала еще целых два десятилетия. Тем не менее выстрелила она настолько мощно, что едва ли можно назвать более популярное слово 2010-х годов. Наиболее расхожим диагнозом, ставящимся эпохе, она окончательно стала после избрания Дональда Трампа и Брексита, которые поразили медийный и академический истеблишмент своей неожиданностью. «Постправда» как термин по-прежнему употреблялась прежде всего как пейоратив и ассоциировалась с постмодернистским релятивизмом, а наряду с ним — с консервативными политическими фигурами и движениями.

Но в последние годы стали появляться более содержательные концептуализации постправды как феномена, которые намечали ее отличие от скептической или иронико-нигилистической тональности. Так, по мнению Сэма Брауза, одного из авторов сборника «Метамодернизм», риторический режим производства «правды» в британской политике

значительно изменился за последние годы. «Курируемая» аутентичность Корбина — не то же самое, что «миметическая» искренность Блэра. Вместо того, чтобы интерпретировать опыт народа, опираясь на личный опыт, то есть выступать как фигура на фоне народа, политик воспроизводит опыт народа как собственный и высказывается от лица народа, не отделяясь от него. Миметический политик подобен постмодерному серферу, скользящему по поверхности воды (опыту народа), которую он сам же и создает, причем целиком, тогда как политик-куратор — это пловец в маске и с трубкой, указывающий на чужую глубину и молчаливо утверждающий ее «подлинность», что характерно уже для метамодерна с его производством «глубиноподобий» (Брауз, Липки, 2019: 415–418).

Тезис, согласно которому мы находимся в состоянии метамодерна, разумеется, — спорный, коль скоро на смену постмодерну предложили уже целое множество состояний с различными приставками (Павлов, 2019). Но то же можно сказать и об утверждении, что мы живем в «эпохе постправды». Здесь для нас важно то обстоятельство, что в самом определении метамодернизма редакторы эпонимного сборника подспудно затрагивают вопрос об истинности и ее производстве. Глубиноподобие (*depthiness*) — это термин (или же нечто подобное термину) Тимотеуса Вермулена, представляющий собой комбинацию «глубинности» Фредрика Джеймисона и труднопереводимого на русский язык выражения комика Стивена Кольбера *truthiness*, которое зачастую вспоминают многие авторы при обсуждении постправды. *Truthiness* — подобное истине, более-менее истинное. Если истина представляет собой эмпирически верифицированное или прошедшее через рационально-логические фильтры знание, то *truthiness* Кольбера отсылает к глубинной правде, внутреннему знанию, ничем таким не заверенному. Причем знанию неотъемлемо личному и аффективному: если что-то для тебя, по твоим ощущениям правда, то так оно и есть, даже если это не правда для кого-то еще.

Глубиноподобие в этом смысле учреждает глубину не в качестве общей эпистемологической реальности, а в виде одной из множества индивидуально реализованных (не)возможностей — это означает не то, что она не может быть общей, а лишь то, что она не обязательно должна быть общей (Вермулен, Липки, 2019: 354).

Такова, по Вермулену, свойственная для метамодерна структура чувства, и именно в этом контексте, на мой взгляд, следует прочитывать «Постправду» Фуллера. При ознакомлении с книгой этот шаг может показаться контринтуитивным. И дело не только в том, что

сам Фуллер не признает мета- или какой бы то ни было еще модерн, пришедший на смену постмодерну. По мнению Фуллера, постистина преследовала Запад на протяжении всей его истории, как минимум начиная с изобретения софистами риторики и ее реапроаприации Платоном. Это отнюдь не новый феномен. Однако его содержание составляет как раз «контроль над тем, что считают возможным другие люди», то есть модальная власть (Фуллер, Кралечкин, 2021: 58). Эта власть простирается за пределы политики в узком смысле, захватывая, в частности, науку, ученых и отношение к ним.

Истина и постистина определяются как две эпистемологические позиции, а точнее, как позиция и метапозиция соответственно. Позиция истины проста: есть некий общий мир, в его рамках имеется нечто истинное и нечто ложное. Чтобы добиться успеха в игре истины, нужно не выходить за рамки и знать условия истинности. Занятие метапозиции, в свою очередь, означает, что игрок сам будет притязать на определение правил игры: он будет выбирать между различными позициями или горизонтами истины, по ситуации обращая то к тем, то к другим мирам, отбрасывая одни и создавая другие. Позиция истины — личина науки, уверяющей в существовании единого мира с твердо и четко определенными истинами, даже если не все из них известны нам или познаны нами. Игра постистины представляется более свойственной политике, вот только игра в истину сама уже является постистинной, поскольку науке приходится утверждать свой мир, постоянно исключая альтернативы, предлагаемые как извне, так и изнутри, либо пытаясь их так или иначе поглотить, встроив в собственную парадигму, научный консенсус.

Брексит высветил то, что существовало уже давно, но он также предъявил и усилил новый поворот в истории постистины, доселе остававшейся в тени истины, — то, что Фуллер называет антиэкспертной революцией в политике и науке. Во многом революция связана с развитием медиа, все более примешивающихся в личный опыт людей. Ситуация оказывается схожей с периодом протестантской Реформации, когда появление печатного станка привело к общедоступности Библии и, соответственно, возможности ее личного прочтения и истолкования. «Популистские» политики, вроде Бориса Джонсона, которые шли наперекор оценкам и прогнозам экспертов, невольно укрепили уверенность граждан в том, что они сами обладают достаточными знаниями, а вместе с этой уверенностью — и их противостояние экспертам и ученым.

Фуллер полагает, что подобное отношение к знанию в целом имеет положительные перспективы. Антиэкспертная революция приводит

к появлению кастомизированной, протестантской науки — демократической «протнауки». Из потребителей науки граждане превращаются в ее заказчиков, которые избирательно подходят к получаемым от науки продуктам и услугам. Власть экспертизы в пределах науки — ориентация на консенсус, которая воплощается в коллегиальном рецензировании как академической разновидности «поиска ренты», — тормозит производство знания, которое бы не просто повторяло парадигму в духе Куна, что в особенности относится к гуманитарным наукам с принятым в них избыточным цитированием признанных авторитетов и общих мест.

Образцом постистинной науки для Фуллера становится социология, в особенности ранние исследования науки и технологий (*science and technology studies*, STS). Именно они пролили свет на науку как постистинную в своем существе игру. В соответствии с выводами STS условия создания и публикации научного труда всегда открыты для различных интерпретаций, истина в саморепрезентации науки — это институционально закрепленная контингентность, которая впоследствии преодолевается в новой парадигме, а научный консенсус в действительности — неестественное состояние, на создание и удержание которого тратятся большие ресурсы.

Не раз представлявший в суде и на различных дебатах интересы сторонников теории «разумного замысла» (*intelligent design*), требовавших преподавать ее в школах наравне с эволюционной биологией, Фуллер критикует поздние STS-исследования за то, что они отошли от их прежнего «постмодернистского позитивизма» (Фуллер, Кралечкин, 2021: 83), позволявшего отстаивать креационизм или отрицать изменение климата, оставаясь на общей с нормальной наукой метапозициональной квазитерритории, которая дает возможность сравнивать различные позиции истины. Фуллер в этом смысле оказывается таким же анфан териблем, каким в философии науки был Пол Фейерабенд, поклонник традиционной медицины, который наверняка бы поддержал призыв Фуллера к кастомизации знания.

Отстаивая в рамках философии науки попперовское представление об открытом обществе, Фуллер оказывается, как бы сейчас выразились континентальные философы (Сафронов, 2019), правым эпистемическим *акселерационистом*: «Антиэксперты желают ускорить этот процесс демократизации знания, который ведет к «превращению общества в живую лабораторию» (Фуллер, Кралечкин, 2021: 40). Снять ограничения, которые накладывают на производство знания дисциплинарные нормы

научного исследования, поможет установка, которую Фуллер называет «военно-промышленной волей к знанию» (Фуллер, Кралечкин, 2021: 158):

...военная сторона должна ускорять производство знания, извлекая выгоду из любой неотложной ситуации, сосредоточивающей внимание на подавлении общего врага, тогда как промышленная сторона должна наращивать производство знания, позволяя ему выйти из лаборатории в жизненный мир.

Военно-промышленная воля к знанию направлена не на приближение к истине, которое может тянуться бесконечно, а на успех, то есть достижение конкретных целей и получение работающих результатов, которые способствует человеческому процветанию и подразумевают в том числе смешение или раскалывание различных дисциплин. Примеры эвристик такой воли к знанию — «суперпрогнозирование» и «форсированное правление», которые максимизируют когнитивную или иную прибыль из неосуществления прогнозов. Форсированное правление ориентируется на реализацию пессимистичных сценариев, как если бы они уже сбылись; конкретным примером здесь выступает интернет, созданный на случай отказа телефонии из-за ядерной атаки. В посвященной этим техникам и методам главе Фуллер, по существу, развивает нечто наподобие «просвещенного катастрофизма» Жана-Пьера Дююи (Афанасов, 2020) или даже акселерационистского «анастрофизма», делающего из апокалиптических прогнозов и катастроф средство не распада, а собирания будущего (Карстенс и Ланд, Сазонов, 2019: 260).

Собственно говоря, ближайший аналог фуллеровской постправды — «гиперверие», придуманное еще в 1990-х годах Группой исследования киберкультуры, во главе которой стоял (тогда еще будущий) правый акселерационист Ник Ланд, столь же убежденный, как и Фуллер, сторонник пошперрианской экспериментальной технонауки (Лэнд, Бауэр и Томажин, Коваль, 2018: 35):

Карл Поппер здесь абсолютно прав. [...] Мы не доверяем ученым, мы не доверяем научным теориям, мы не доверяем научным институтам; чему мы доверяем — так это распределенной зоне критики и критериев оценки...

— причем оценка дается не только научным, но и псевдонаучным, эзотерическим, конспирологическим, артистико-магическим теориям — всему, что может в результате обсуждения сойти за знание.

Гиперверие — в той же мере постправда, что и «постложь», поскольку речь идет о производстве теоретических фикций (*theory-fictions*)², которые делают себя реальными, о размытии четких границ между истиной и вымыслом. Однако сами эти границы до конца не уничтожаются, что не позволяет отождествить метапозицию гиперверия и постистины Фуллера, пускай сам бы он мог поспорить с этим заявлением, явно отдавая предпочтение антиреалистической риторике с «постмодернистским позитивизмом», поскольку положение

«ничто не истинно» нельзя приравнивать к постмодернистскому «ничто не реально». Напротив, ничто не истинно как раз потому, что нет какой-либо одной авторизованной версии реальности — вместо этого мы имеем обилие, избыток реальностей (Ланд, Хамис, 2021).

«Вместе с истинным миром мы упразднили также и кажущийся» (Ницше, Полилов, 2014: 8), но только как всего лишь *два* мира. «Постистинный мир» Тешича оказывается наконец полиморфным гиперверием.

Фуллеровская «Постправда» развивает (если не повторяет) как витавшие ранее в воздухе концепции, так и написанное им прежде. К примеру, воздействие риторики на знание он уже изучал в контексте STS-исследований в начале своей карьеры и в 1993 году выступил соавтором монографии по этой теме (Fuller, Collier, 2004). Если говорить о текстах, уже знакомых русскоязычной аудитории, то в 2004 году Фуллер посвятил целую книгу противостоянию Поппера и Куна (Фуллер, Целищев, 2020), а в 2009 году обсуждал постистину под именем «пустозвонства», «брехни» или «чуши» (*bullshit*), ориентируясь на ее описание, данное Гарри Франкфуртом (Фуллер, Гавриленко, Морозов и Хановая, 2018: 313–358; Франкфурт, Ослон, 2008). В «Постправде» Фуллер прямо отсылает к главе из «Социологии интеллектуальной жизни», где разворачивалось это обсуждение (Фуллер, Кралечкин, 2021: 92), но стоит заметить, что отнюдь не все авторы, занимающиеся темой постправды, согласились бы, что она совпадает с брехней в определении Франкфурта.

Так, теоретик риторики Брюс Маккомиски утверждает, что брехня в массмедиа по меньшей мере изменила свой статус: если раньше позиция брехуна подразумевала пассивное безразличие к истинности высказываний, то начиная с 2010-х годов брехун уже активно оспаривает истину, понимаемую как «единый эпистемологический континуум» (Ответ на вопрос..., 2019: 96–98). Подобный горизонт истины (по сути

²Термин заимствован у «постмодерниста» Бодрийяра (Gane, 1993: 82).

совпадающий с экспертным знанием) не выступает для него критерием высказываний и суждений. По Маккомиски, у оратора или присутствует, или отсутствует континуум истины, но Маккомиски не может представить себе, чтобы постистинный брехун воображал другие связанные горизонты, предполагающие иные критерии истины. Если допустить, что брехун это делает, аргумент Маккомиски сблизится с рассуждениями Брауза о том, как миметическая и курируемая аутентичность негативно соотносятся с «общей эпистемологической реальностью».

Концепции Ланда и ГИКК, Вермюлена и Брауза, наконец, суммирующего их Фуллера связывает неприятие обязательности «общей эпистемологической реальности» на месте «множества индивидуально реализованных (не)возможностей» (Вермюлен, Липки, 2019: 354), необходимости некой «Вселенной Единого Бога» (Ланд, Хамис, 2021), которая бы представляла собой наш «базовый нарративный поток» (Фуллер, Кралечкин, 2021: 276). Вслед за Тешичем и Бодрийяром они также высвечивают активное индивидуальное и массовое участие в производстве истин или истиноподобий, но в более-менее положительном свете. Речь в них идет о реализме или по меньшей мере желании реализма, которое расшатывает привычные границы между модерном, постмодерном и так далее. «Постправда» Фуллера, в свою очередь, представляет собой набросок путеводителя по этим мирам и между ними.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасов Н. Б.* «Траур по будущему», или Картография апокалипсиса // *Galactica Media : Journal of Media Studies*. — 2020. — Т. 2, № 1. — С. 205–220.
- Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. А. Качалова. — М. : РИПОЛ классик, 2016.
- Брауз С.* Между правдой, искренностью и сатирой : политика постправды и риторика аутентичности / пер. с англ. В. М. Липки // *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма* / под ред. Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс, Т. Вермюлена. — М. : РИПОЛ классик, 2019. — С. 386–418.
- Вермюлен Т.* Глубина метамодерна, или «Глубиноподобие» / пер. с англ. В. М. Липки // *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма* / под ред. Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс, Т. Вермюлена. — М. : РИПОЛ классик, 2019. — С. 349–355.
- Карстенс Д., Ланд Н.* Введение в гиперверие. Интервью / пер. с англ. Н. Сазонова // *Логос*. — 2019. — Т. 29, № 5. — С. 255–264.
- Ланд Н.* Нестандартные исчисления / под ред. А. Морозова ; пер. с англ. Д. Хамис. — Пермь : Гиле Пресс, 2021. — forthcoming.

- Ланд Н., Бауэр М., Томажин А.* «Фрагментация — вот единственная стратегия». Интервью с Ником Ландом / пер. с англ. М. Коваля // *Логос*. — 2018. — Т. 28, № 2. — С. 31–54.
- Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / под ред. Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс, Т. Вермолена. — М. : РИПОЛ классик, 2019.
- Морозов А. В.* Ответ на вопрос : что такое постправда? Перспектива проблематологии // *Горизонты гуманитарного знания*. — 2019. — № 3. — С. 93–105.
- Ницше Ф.* Полное собрание сочинений. В 13 т. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / под ред. И. Эбаноидзе ; пер. с нем. Н. Полилова. — М. : Культурная революция, 2014. — С. 9–106.
- Павлов А. В.* Постпостмодернизм : как социальная и культурная теории объясняют наше время. — М. : Дело, 2019.
- Сафронов Э. Е.* Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм // *Логос*. — 2019. — Т. 29, № 3. — С. 279–289.
- Франкфурт Г.* К вопросу о брехне / под ред. Г. Павловского, И. Чечель ; пер. с англ. М. Ослона. — М. : Европа, 2008.
- Фуллер С.* Социология интеллектуальной жизни : карьера ума внутри и вне академии / под ред. С. Гавриленко ; пер. с англ. С. Гавриленко, А. Морозова, П. Хановой. — М. : Дело, 2018.
- Фуллер С.* Кун против Поппера : борьба за душу науки / пер. с англ. В. В. Целищева. — М. : Канон+, 2020.
- Фуллер С.* Постправда : знание как борьба за власть / под ред. А. Смирнова ; пер. с англ. Д. Кралечкина. — М. : ИД ВШЭ, 2021.
- Fuller S., Collier J. H.* Philosophy, Rhetoric, and the End of Knowledge : A New Beginning for Science and Technology Studies. — Mahwah : Lawrence Erlbaum Associates, 2004.
- Gane M.* Baudrillard Live : Selected Interviews. — New York : Routledge, 1993.
- Tesich S. A.* Government of Lies // *The Nation*. — 1992. — Vol. 254, no. 1. — P. 12–14.

Morozov, A. V. 2021. “Kak ‘postistinnyy mir’ nakonets stal giperveriyem [How ‘Post-Truth World’ Finally Became Hyperstition]: retsenziya na knigu Stiva Fullera [Review of a Book by S. Fuller]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (3), 287–297.

ARTEM MOROZOV
JUNIOR RESEARCH FELLOW
INSTITUTE OF PHILOSOPHY RAS (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-5449-1050

HOW “POST-TRUTH WORLD” FINALLY BECAME HYPERSTITION

REVIEW OF A BOOK BY S. FULLER

FULLER, S. 2021. *POSTPRAVDA [POST-TRUTH]: ZNANIYE KAK BOR’BA ZA VLAST’ [KNOWLEDGE AS A POWER GAME]* [IN RUSSIAN]. ED. BY A. SMIRNOV. TRANS. FROM THE ENGLISH BY D. KRALECHKIN. MOSKVA [MOSCOW]: HSE

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-287-297.

REFERENCES

- Afanasov, N. B. 2020. “‘Traur po budushchemu’, ili Kartografiya apokalipsisa [‘Mourning for the Future’, or the Cartography of Apocalypse]” [in Russian]. *Galactica Media [Galactica Media]: Journal of Media Studies [Journal of Media Studies]* 2 (1): 205–220.
- Akker, R. van den, E. Gibbons, and T. Vermuylen, eds. 2019. *Metamodernizm. Istorichnost’, Affekt i Glubina posle postmodernizma [Metamodernism. Historicism, Affect and Depth After Postmodernism]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: RIPOL klassik.
- Baudrillard, J. 2016. *Dukh terrorizma. Voyny v zalive ne bylo [L’esprit du terrorisme. La guerre du Golfe n’a pas eu lieu]* [in Russian]. Trans. from the French by A. A. Kachalov. Moskva [Moscow]: RIPOL klassik.
- Browse, S. 2019. “Mezhdu pravdoy, iskrennost’yu i satiroy [Between Truth, Sincerity and Satire]: politika postpravdy i ritorika autentichnosti [Post-Truth Politics and the Rhetoric of Authenticity]” [in Russian]. In Akker, Gibbons, and Vermuylen 2019, 386–418.
- Carstens, D., and N. Land. 2019. “Vvedeniye v giperveriye. Interv’yu [Introduction to Hyperstition. An Interview]” [in Russian], trans. from the English by N. Sazonov. *Logos [Logos]* 29 (5): 255–264.
- Frankfurt, G. 2008. *K voprosu o brekhne [On Bullshit]* [in Russian]. Ed. by G. Pavlovskiy and I. Chechel’. Trans. from the English by M. Oslon. Moskva [Moscow]: Yevropa.
- Fuller, S. 2018. *Sotsiologiya intellektual’noy zhizni [The Sociology of Intellectual Life]: kar’yera uma vnutri i vne akademii [The Career of the Mind in and around the Academy]* [in Russian]. Ed. by C. Gavrilenko. Trans. from the English by C. Gavrilenko, A. Morozov, and P. Khanovaya. Moskva [Moscow]: Delo.
- . 2020. *Kun protiv Poppera [Kuhn vs. Popper]: bor’ba za dushu nauki [The Struggle for the Soul of Science]* [in Russian]. Trans. from the English by V. V. Tselishchev. Moskva [Moscow]: Kanon+.
- . 2021. *Postpravda [Post-Truth]: znaniye kak bor’ba za vlast’ [Knowledge as A Power Game]* [in Russian]. Ed. by A. Smirnov. Trans. from the English by D. Kralechkin. Moskva [Moscow]: HSE.

- Fuller, S., and J. H. Collier. 2004. *Philosophy, Rhetoric, and the End of Knowledge: A New Beginning for Science and Technology Studies*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates.
- Gane, M. 1993. *Baudrillard Live: Selected Interviews*. New York: Routledge.
- Land, N. 2021. *Nestandardnyye ischisleniya [Non-Standard Numeracies]* [in Russian]. Ed. by A. Morozov. Trans. from the English by D. Khamis. Forthcoming. Perm': Gile Press.
- Land, N., M. Bauer, and A. Tomažin. 2018. "Fragmentatsiya – vot yedinstvennaya strategiya". Interv'y u s Nikom Landom ["The Only Thing I Would Impose is Fragmentation". An Interview with Nick Land] [in Russian], trans. from the English by M. Koval'. *Logos [Logos]* 28 (2): 31–54.
- Morozov, A. V. 2019. "Otvét na vopros [Answering the Question]: chto takoye postpravda? Perspektiva problematologii [What is the Post-Truth? A Problematological Approach]" [in Russian]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya [Horizons of Humanities Knowledge]*, no. 3: 93–105.
- Nietzsche, F. *Sumerki idolov, ili Kak filosofstvuyut molotom [Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert]* [in Russian]. In *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*, ed. by I. Ebanoidze, trans. from the German by N. Polilov, 9–106. 13 vols. Moskva [Moscow]: Kul'turnaya revolyutsiya.
- Pavlov, A. V. 2019. *Postpostmodernizm [Postpostmodernism]: kak sotsial'naya i kul'turnaya teoriya ob'yasnyayut nashe vremya [How Do Social and Cultural Theories Explain Our Time]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Delo.
- Safronov, E. Ye. 2019. "Kak akseleratsionizm prevratilsya v platformenny kapitalizm [How Accelerationism Became Platform Capitalism]" [in Russian]. *Logos [Logos]* 29 (3): 279–289.
- Tesich, S. A. 1992. "Government of Lies." *The Nation* 254 (1): 12–14.
- Vermeulen, T. 2019. "Glubina metamoderna, ili 'Glubinopodobiye' [Metamodern Depth, or 'Depthiness']" [in Russian]. In Akker, Gibbons, and Vermuylen 2019, 349–355.